

Иасон

**Сказание о жизни и подвигах
блаженныя памяти старца схи-
архимандрита Илиодора,
подвизавшагося в Глинской
пустыни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И12

И12 **Иасон**
Сказание о жизни и подвигах блаженного памяти старца схи-архимандрита Илиодора,
подвизавшагося в Глинской пустыни / Иасон – М.: Книга по Требованию, 2024. – 68 с.

ISBN 978-5-519-86519-7

ISBN 978-5-519-86519-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СХИ-АРХИМАНДРИТЪ
ИЛІОДОРЪ

СТАРЕЦЪ схи-Архимандритъ Иліодоръ.

Родиною схи-Архимандрита Иліодора было село Староселье, Черкаскаго повѣта (уѣзда), Кіевской губерніи. Отецъ его Ѳеодоръ Голованицкій былъ священникомъ въ названномъ селѣ; имя его матери—Евдокія. Священникъ Голованицкій имѣлъ еще и старшихъ дѣтей,—старшаго сына Іакова и дочь Зиновію, за которыми въ 1795 году родился сынъ, нареченный во св. крещеніи Іоанномъ (въ послѣдствіи схи-Архимандритъ Иліодоръ). Годы младенчества Іоаннъ прожилъ въ домѣ своихъ родителей, которые воспитывали его въ страхѣ Божіемъ. 11-ти лѣтъ отъ роду, послѣ обычной домашней подготовки, отрокъ Иванъ Голованицкій былъ отправленъ въ Кіевскую семинарію, гдѣ въ то время старшій братъ его Іаковъ занималъ уже должность учителя. 16-го сентября 1806 года, Иванъ Голованицкій былъ принятъ въ Кіевскую семинарію, въ низшихъ классахъ которой (въ риторикѣ) онъ съ прилежаніемъ учился латинской грамматикѣ, поэзіи, латинской и русской риторикѣ, греческому и нѣмецкому языкамъ, исторіи и географіи, проходя означенныя науки съ успѣхомъ „препохвальнымъ“ при честномъ поведеніи, какъ значится въ его аттестатѣ.

Но не посчастливилось Ивану Голованицкому въ Кіевской семинаріи: братъ его Іаковъ, какъ откровенно въ послѣдствіи рассказывалъ намъ старецъ Иліодоръ, былъ не прочь отъ веселой и разсѣянной жизни и имѣлъ друзей беззукоризненной нравственности. Это обстоятельство и само по себѣ крайне печалило скромнаго и благоговѣйнаго юношу Іоанна, а тѣмъ болѣе, что оно неблагопріятно отзывалось на внѣшнемъ его благосо-

стояніи. Деньги, посылаемыя отцемъ на содержаніе Іоанну чрезъ руки и на имя Іакова, какъ старшаго брата, не попадали Іоанну, и ему приходилось терпѣть крайнія нужды. Поэтому Іоаннъ вынужденъ былъ обращаться къ брату съ просьбами и увѣщаніями, направляемыми къ тому, чтобы исправить брата. Но это не привело ни къ чему хорошему: братскіе благожелательные совѣты Іоанна казались Іакову неумѣстными и оскорбительными замѣчаніями и раздражали его гнѣвъ противъ Іоанна; дѣло дошло до того, что онъ возненавидѣлъ его и старался при всякомъ удобномъ случаѣ оскорблять его; въ должности учителя ему конечно удобно было наносить обиды брату—ученику. Іоаннъ все терпѣливо сносилъ отъ брата въ надеждѣ, что тотъ наконецъ одумается и исправится; но исправленія не было, а ненависть Іакова, по видимому, развивалась все болѣе и болѣе. Такъ, однажды братъ Іаковъ привелъ на квартиру Іоанна четырехъ сильныхъ учениковъ и приказалъ имъ схватить Іоанна и бить его; но послѣднему удалось благополучно убѣжать и скрыться. Тогда-то Иванъ Голованицкій наконецъ убѣдился въ томъ, что ему невозможно болѣе оставаться въ семинаріи; онъ рѣшился оставить семинарію и поступить въ военную службу и намѣреніе свое привелъ въ исполненіе. Въ 1813 году онъ принятъ былъ на правахъ вольноопредѣляющагося въ число юнкеровъ и зачисленъ въ Нижегородское ополченіе. Ополченіе это командировано было за границу по слѣдамъ бѣжавшихъ изъ Россіи французовъ. Туда же послѣдовалъ и Иванъ Голованицкій. Въ этомъ походѣ ему пришлось побывать во многихъ мѣстахъ, многое встрѣтить, многое испытать, о многомъ подумать. Все наблюдаемое имъ въ концѣ концовъ привело къ убѣжденію въ суетности сей жизни; чистая благочестивая душа его требовала духовнаго удовлетворенія, и онъ рѣшилъ въ своемъ сердцѣ посвятить остальные дни жизни исключительно на служеніе Богу.

По окончаніи войны въ 1814 году нѣкоторыя войска, въ томъ числѣ и Нижегородское ополченіе, возвратились въ Россію.

Того же года 28 октября было предписано распустить Нижегородское ополчение; а 12 марта 1815 года Иванъ Голованицкій, какъ вольноопредѣляющійся, получилъ чистую отставку и аттестатъ, одобряющій его поведеніе и тѣніе по службѣ.

Освободившись совершенно отъ военной службы, Голованицкій возвратился въ Кіевъ съ размышленіями о томъ, какъ лучше всего устроить жизнь свою, чтобы угодить Господу Богу. Онъ часто ходилъ во св. Лавру на поклоненіе преподобнымъ угодникамъ печерскимъ, нетлѣнно почивающимъ во св. пещерахъ; любилъ также посѣщать уединенныя мѣста надъ рѣкою Днѣпромъ, гдѣ, скрывшись отъ суеты мірской, развлекающей умъ, онъ сосредоточенно и усердно молился о томъ, чтобы Господь указалъ ему и помогъ обрѣсти надлежащій путь жизни. Ему хотѣлось поступить въ монастырь; но уединенная жизнь еще болѣе нравилась ему: предъ его глазами были св. пещеры съ ихъ благодатными, неземными сокровищами. Этимъ-то образцамъ святой жизни и стремилась послѣдовать чистая благочестивая душа Іоанна. Пылая ревностію къ подвигамъ, Іоаннъ не разсуждалъ много о томъ, какъ труденъ для молодаго человѣка этотъ путь; онъ надѣялся на помощь Божію и окончательно рѣшился уединиться для молитвы и для подвиговъ. Въ этихъ видахъ онъ избралъ уединенное пустынное мѣсто, гдѣ, въ оврагѣ, выкопалъ для себя пещеру. Когда пещера была уже готова, Іоаннъ нисколько не медля, взявши съ собою лишь то, что было необходимо для жизни, переселился въ нее на жительство. Но въ первую же ночь, какъ онъ самъ рассказывалъ намъ, онъ былъ пораженъ страшными бѣсовскими привидѣніями. Не будучи приготовленъ къ борьбѣ съ невидимымъ врагомъ человѣческаго спасенія, онъ не выдержалъ наведеннаго на него ужаса и среди ночи оставилъ свою пещеру. Тогда онъ самымъ дѣломъ позналъ, что подвижническая жизнь требуетъ обученія тому, какъ противустоять *кознемъ діавольскимъ*. Поэтому онъ рѣшился поступить прежде всего въ монастырь и поступилъ именно въ Кіевскую Лавру. Здѣсь онъ былъ опредѣленъ снача-

ла на послушаніе въ келію, а чрезъ нѣсколько времени былъ взятъ въ келейники Намѣстникомъ Антоніемъ (въ послѣдствіи Епископъ Воронежскій).

Однако въ Кіевской Лаврѣ Іоаннъ прожилъ недолго. Его душѣ, ищущей сосредоточеннаго молитвеннаго уединенія, не соотвѣтствовала въ Лаврѣ нѣкоторая суета, какая бываетъ неизбѣжно соединена съ большимъ стеченіемъ народа. Къ тому же въблизи Лавры находились его родственники, которые своими посѣщеніями могли такъ или иначе смущать сердечный покой еще неопытнаго въ духовной жизни послушника. Это однажды даже и случилось. Его посѣтили мать и старшій братъ Іаковъ. Они увидѣли его какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ, одѣтый въ сѣрую свиту, вмѣстѣ съ другимъ послушникомъ несъ на плечахъ ушатъ съ водою. Брату Іакову Голованицкому видимо не понравилось такое послушаніе Іоанна, и онъ насмѣшливо сказалъ ему: „ты, братъ, кажется, въ каторгу попалъ“. Іоаннъ смиренно смолчалъ, но въ душѣ своей рѣшился оставить Кіевскую Лавру и поселиться гдѣ либо въ уединенной пустынѣ, вдали отъ всякой суеты, и такъ, чтобы родственники его не знали о мѣстѣ его жительства.

Въ то время славилась Софроніева пустынь. Незадолго предъ тѣмъ почившій старецъ Θεодосій, бывшій другомъ и сопостникомъ старца Паисія Величковскаго, поставилъ Софроніеву пустынь на высокую степень совершенства, образовавъ въ ней строгихъ подвижниковъ. Ученики Θεодосія, какъ и ученики Паисія отличались строгимъ подвижничествомъ въ трезвеніи и молитвѣ, и слава о нихъ распространилась далеко за предѣлы обители. Іоаннъ Голованицкій, еще будучи въ Лаврѣ, многое слышалъ о славной Софроніевой пустынѣ. Поэтому, когда онъ оставилъ Лавру, то и направился въ Софроніеву пустынь. Съ нимъ вмѣстѣ согласился идти товарищъ его, нѣкто по имени Владиміръ, тоже бывшій юнкеръ и также поступившій въ Кіевскую Лавру въ число братіи. На дорогѣ въ Софроніеву пустынь съ названными путешественниками случилось

странное обстоятельство, которое самъ старецъ Иліодоръ (онъ же Іоаннъ) объяснялъ бывшее діавольскимъ навожденіемъ. Обстоятельство заключалось въ слѣдующемъ:

На пути догоняетъ ихъ какой-то проѣзжающій помѣщикъ, останавливаетъ ихъ и начинаетъ спрашивать, откуда они и куда идутъ. Іоаннъ отвѣчаетъ, что идутъ изъ Лавры въ Софроніеву пустынь. Помѣщикъ началъ горячо увѣрять ихъ, что Софроніевой пустыни нигдѣ не существуетъ. „Я вотъ“, говорилъ помѣщикъ, „ѣзжу по всѣмъ російскимъ монастырямъ, а о Софроніевой пустыни ничего никогда не слышалъ. Совѣтую вамъ возвратиться въ Лавру“. Іоаннъ, конечно, продолжалъ настаивать на томъ, что Софроніева пустынь несомнѣнно существуетъ. „Во время разговора съ помѣщикомъ“, рассказывалъ старецъ Иліодоръ, „я взглянулъ на кучера и ужаснулся: лицо его было мрачное, борода черная и лохматая, а глаза, какъ горящія свѣчи; взглядъ его былъ устремленъ на меня и до того свирѣпъ, что я невольно задрожалъ и старался отворачиваться отъ него, чтобы не видѣть ужаснаго выраженія лица этого страшилища“.—Однако помѣщикъ не могъ разувѣрить Іоанна въ истинѣ и въ заключеніе сказалъ: „не вѣрите, какъ знаете, но только Софроніевой пустыни нигдѣ не найдете, такъ какъ ея не существуетъ“. Сказавши эти слова, помѣщикъ крикнулъ кучеру „пошелъ“; кучеръ гикнулъ, лошади понеслись, но не проѣхавъ и пяти саженьей экипажъ сдѣлался невидимъ и все исчезло. „Оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, рассказывалъ старецъ, я взглянулъ на товарища, и что же я вижу? Онъ стоитъ противъ меня и держитъ въ упоръ противъ груди свою палку съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, намѣреваясь пронзить меня остріемъ. Видъ его былъ страшенъ, онъ весь трясся отъ гнѣва, скрежеталъ зубами и неистово кричалъ на меня: „куда ты меня ведешь“? Видя опасность, я бросился бѣжать въ стору, Владиміръ погнался за мною. Бѣжать мнѣ было невозможно, такъ какъ время было зимнее. Я долженъ былъ остановиться и сталъ уговаривать Владиміра оградить себя крестнымъ

знаменіємъ, но онъ въ ярости не обращалъ ни на что вниманія и продолжалъ наступать на меня. Тогда я поднялъ свою руку и положилъ противъ него на воздухъ крестное знаменіе, съ произнесеніемъ словъ: „во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь“. Моментально, какъ бы выбившись изъ силъ, онъ остановился, опустивъ палку и блуждая глазами. „Перекрестись“, говорю ему; онъ перекрестился и началъ приходить въ себя. „Посмотри-ка, говорю ему, гдѣ тотъ помѣщикъ?“ Надо замѣтить что дорога была совершенно ровная, такъ что можно было видѣть проезжающаго на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, но рѣшительно ничего не было видно. И все это произошло въ нѣсколько минутъ. „Не видишь ли теперь, продолжаю я говорить Владиміру, что въ образѣ помѣщика явился намъ искусситель рода человѣческаго, чтобы смутить насъ?“ „Да, сказалъ онъ, я самъ вижу, что это былъ діаволъ“. Оградившись крестнымъ знаменіемъ, мы продолжали путь далѣе. Почти всю дорогу до слѣдующаго ночлега мы шли молча. Но когда достигли ночлега и расположились ночевать, мнѣ захотѣлось спросить Владиміра, что онъ думалъ сдѣлать со мною, послѣ разговора моего съ помѣщикомъ. „Не знаю самъ, сказалъ онъ въ отвѣтъ, что со мною сдѣлалось; но я на столько озлобился на тебя, что, сознаюсь откровенно, рѣшился было убить тебя и зарыть въ снѣгу“.

Оба товарища наконецъ достигли Софроніевой пустыни и были приняты въ число братіи настоятелемъ пустыни Архимандритомъ Варлаамомъ. Іоанну назначено было послушаніе въ трапезѣ и на клиросѣ. Пребываніе Іоанна въ этой пустыни сопровождалось благотѣльными для него послѣдствіями. Исполняя ревностно всѣ возлагаемые на него труды, онъ въ тоже время внимательно присматривался къ добродѣтелямъ и къ правиламъ жизни строгихъ подвижниковъ. Отъ нихъ онъ впервые услышалъ и уразумѣлъ, что отъ монаха требуются не одни тѣлесные подвиги и труды, но и внутреннія дѣланія въ вертоградѣ сердца своего; получилъ онъ много и другихъ настав-

лений и совѣтовъ. Но недолго ему пришлось жить въ Софроніевой пустыни. Онъ вынужденъ былъ оставить ее по той причинѣ, что ему было назначено несоотвѣтственное его характеру и душевнымъ стремленіямъ послушаніе. Какъ новоначальнаго, его послали на хуторъ, называемый Псель, находящійся въ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи. На хуторѣ этомъ имѣется большое количество лѣса, который братія обязаны ежедневно обходить кругомъ и оберегать отъ порубки околныхъ жителей—крестьянъ, которые постоянно воровали. Собравшись иногда большою партіею воры нагло пріѣзжали за добычей, большею частію въ ночное время. Тогда и оберегающимъ лѣсъ грозила отъ нихъ большая опасность; были случаи, что нѣкоторые изъ братіи даже платились своею жизнію. До какой степени доходила наглость и злодѣйство крестьянъ—воровъ, показываетъ слѣдующій случай, о которомъ сохранилась память среди мѣстнаго населенія: злодѣи изъ мести напали на одну келію, схватили одного монаха—старика и вывели его вонъ изъ келіи; расколовъ пень, они защемили въ расколъ бороду монаха и забили клиномъ, связавъ старику руки и оставивъ его обнаженнаго на съѣденіе комарамъ. Мѣсто то и до сихъ поръ называется „Комарь“.—Отсюда можно видѣть, что послушаніе Іоанна на хуторѣ не могло приносить мира и спокойствія его душѣ. Ему нерѣдко приходилось бывать свидѣтелемъ непріятныхъ сценъ, возмущавшихъ покой его духа; а однажды пришлось даже спастись бѣгствомъ, когда крестьяне пустили въ ходъ топоры и колья. Положеніе Іоанна было тягостнымъ для него, онъ рѣшился оставить Софроніеву пустынь и переселиться въ Глинскую, куда въ то время на должность настоятеля былъ вызванъ изъ Софроніевой пустыни старецъ іеромонахъ, а въ послѣдствіи игумень, Филаретъ, ученикъ прежде упомянутаго старца Θεодосія, бывшаго Архимандрита Софроніевой пустыни *).

*) Въ предисловіи на книгу старца Паисія Величковскаго на стр. 17-ой объ игуменѣ Филаретѣ сказано, что онъ былъ ученикомъ старца Василія, прозываемаго Кишкыннымъ.

Въ Глинской пустыни старецъ Филаретъ принялъ Іоанна съ радостію и назначилъ ему послушаніе въ хлѣбнѣ и пѣть на клиросѣ. Съ полнымъ усердіемъ Іоаннъ началъ исполнять свое послушаніе, ревностно исполняя всѣ возлагаемыя на него порученія. Трудясь тѣлеснѣ, Іоаннъ преуспѣвалъ и въ благодатной жизни духа, такъ какъ онъ имѣлъ для себя добрыхъ наставниковъ и руководителей, опытныхъ въ жизни подвижнической. Самъ старецъ Филаретъ былъ весьма бдителенъ и внимателенъ къ жизни своей братіи. Рѣдкій выпадалъ день, въ который онъ не обходилъ всѣхъ послушаній, гдѣ только трудились братія. Посѣщенія его всегда сопровождались назидательными бесѣдами, наставленіями и совѣтами. Опытный въ духовной жизни и въ борьбѣ съ искушеніями, онъ отечески—сердечно поучалъ свою братію; всѣ внимательно слушали старца и принимали къ сердцу слова его. Часто онъ говорилъ о томъ, какъ и при тѣлесномъ трудѣ надо держать свое сердце въ чистотѣ; совѣтовалъ братіи пребывать въ молчаніи и уклоняться празнословія,—трудиться съ усердіемъ и держать въ умѣ непрестанную молитву къ Отцу Небесному. Онъ старался ободрить братію и въ тѣлесномъ трудѣ. „Потъ, говаривалъ старецъ, проливаемый монахомъ на послушаніи при усердномъ трудѣ, имѣетъ въ очахъ Божіихъ такое же спасительное для трудящагося значеніе, какое имѣетъ кровь, пролитая и проливаемая мучениками“. Особенное вниманіе обращалъ старецъ Филаретъ на молодыхъ новоначальныхъ изъ братіи; онъ старался въ самомъ началѣ посѣвать въ сердцахъ ихъ духовныя сѣмена, чтобы воспитать ихъ въ духѣ истиннаго подвижничества. Своею собственною жизнію старецъ поучалъ не менѣе, чѣмъ и словами. Онъ былъ строгъ къ себѣ, добръ въ сердцахъ своемъ, простъ и доступенъ для братіи: къ нему во всякое время можно было прийти за совѣтомъ; всѣхъ и всегда, не исключая и ночнаго

Это несправедливо. По достовѣрному свидѣтельству схи-Архимандрита Иліодора, игуменъ Филаретъ былъ ученикомъ именно Архимандрита Теодосія, настоятеля Софроніевой пустыни, откуда и взятъ былъ на настоятельство. Несправедливо и то, будто бы Филаретъ былъ Архимандритомъ; онъ и скончался въ санѣ игумена.

времени, онъ принималъ, наставлялъ, поучалъ духовнымъ бранямъ, разяснялъ козни врага и внушалъ братіи быть бодрыми и бдительными.

Были въ то время въ Глинской пустыни и другіе строгіе подвижники, сіявшіе различными добродѣтелями и подвигами; жизнь ихъ благодѣтельно вліяла на Іоанна и не могла не увлечь его къ подражанію. Изъ нихъ съ особенною любовію и почтеніемъ старецъ Іліодоръ вспоминалъ о нѣкоторыхъ, а именно:—о духовникѣ іеромонахѣ Пахоміѣ (родомъ изъ дворянъ). Этотъ подвижникъ съ особенною строгостію относился къ своему тѣлу; при строгомъ общемъ воздержаніи, онъ имѣлъ и особенный подвигъ, именно, онъ никогда не садился ни во время церковнаго богослуженія, ни даже во время своего очень продолжительнаго келейнаго правила. Вспоминалъ нерѣдко старецъ Іліодоръ объ іеромонахѣ Василиѣ, прозываемомъ Кишкинымъ, какъ о замѣчательномъ и достойномъ подражанія подвижникѣ. Достигши совершенства въ сосредоточенной молитвѣ, этотъ старецъ старался и другихъ, обращающихся къ нему, учить такой молитвѣ, причемъ въ наставленіяхъ своихъ соблюдалъ постепенность, указывая сначала простые приемы и средства. „Вотъ ты, братъ, сядь у стола, говоритъ старецъ Василий молодому иноку, возмись за него рукой, большимъ пальцемъ прижимай, чтобы тебѣ чувствительно было; и туда собирай умъ, чтобы онъ не разсѣявался, и непрестанно повторяй молитву Іисусову: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“. Ты будешь привыкать къ терпѣнію, а потомъ пойдешь и далѣе, какъ Господь укажетъ“. Нѣкоторые не понимали значенія подобныхъ наставленій. Но, какъ объяснялъ ихъ старецъ Іліодоръ, они дѣлались молодымъ инокамъ именно потому, что прежде времени нельзя было показать имъ настоящій путь сего дѣланія (молитвы). Намъ помнится рассказъ старца Іліодора объ одной своей прогулкѣ съ Василиемъ. Однажды пошли они пройтись по лѣсу. На пути встрѣтились съ ними какія-то пріѣзжія монахини и предложили имъ какой-то